

18+

Виктор Верин

РУССКИЙ ЛЕГИОН

Виктор Верин

Русский легион

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56079920

ISBN 9785005103192

Аннотация

Повесть о любви, предательстве, дружбе, о поиске потерянного вкуса к жизни, о приобретениях и утратах на пути самопознания. Сорокалетний журналист Сергей Воронежко, разочаровавшись в жизни, отправляется поискать смерть в рядах боевой нелегальной организации под названием «Русский легион».

Содержание

Вместо предисловия	6
Плач в читательскую рубашку	7
Часть первая	7
В Москве	8
Часть вторая	9
На Кавказе и в Сибири	9
Часть третья	10
Письма	10
Часть четвертая	10
ПОПУТЧИКИ	11
Вместо эпилога	11
Вместо предисловия	11
Плач в читательскую рубашку	12
Часть первая	19
В МОСКВЕ	20
2. На Манежной площади	22
В гостинице «Россия»	28
4. Жека Рог	30
5. Эволюция справедливости	32
6. Медосмотр	34
7. В тренажёрном зале	36
8. Инструктор Вася	39
9. «Застаканная» философия	42

10. Скинхеды	49
Часть вторая	55
НА КАВКАЗЕ И В СИБИРИ	56
1. О записках	56
2. Поединок на ножах	58
3. Батяня Листков	64
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Русский легион

Виктор Верин

*В поисках смерти
к понятиям любви и справедливости
через страсти и предательства,
обманы и ошибки...*

© Виктор Верин, 2020

ISBN 978-5-0051-0319-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вместо предисловия

Плач в читательскую рубашку

Часть первая

В Москве

1. Сашка.
2. На Манежной площади.
3. В гостинице «Россия».
4. Жека Рог.
5. Эволюция справедливости.
6. Медосмотр.
7. В тренажёрном зале.
8. Инструктор Вася.
9. «Застаканная» философия.
10. Скинхеды.

Часть вторая

На Кавказе и в Сибири

1. О записках.
2. Поединок на ножах.
3. Батяня Листков.
4. Тихие беседы с Яковом.
5. «Народный» генерал.
6. Работа под прикрытием.
7. Сомнения.
8. Зачистка.
9. «Снайперша» на привязи, или Дуэль.

Часть третья

Письма

1. Госпиталь.
2. К творческому началу.
3. Любовь второкурсника.
4. Неля.
5. Возвращение.
6. Письменная ловушка.
7. Верочка и Тонечка.
8. Московский заказ.
9. О друзьях-товарищах.
10. Ирина.
11. О той девчонке.
12. Опасные знания.
13. Антиподы.
14. Инна.

Часть четвертая

ПОПУТЧИКИ

1. Дорожная услуга.
2. Рассказы о любви.
3. Компромисс.
4. Несостоявшееся знакомство.
5. Пари.
6. О предназначении и об удовольствии.

Вместо эпилога

Последние письма или, Место встречи...

Вместо предисловия

Плач в читательскую рубашку

Если бы не Ита, то я, наверное, так и продолжал бы влачить жалкое существование, уподобляясь растению. Выраженный на определенных нравственных ценностях, я никак не мог приспособиться к рыночным законам и пребывал в ужасной депрессии. В тайне от самого себя, где-то в глубине души я все еще надеялся на счастливый случай, но в то же время я совершенно ничего не предпринимал для того, чтобы спровоцировать судьбу на более пристальное внимание ко мне.

Можно сказать, что в таком состоянии оказался я из-за собственного идеализма. Я, видите ли, был очень начитанным молодым человеком и, вступая во взрослую жизнь, свято верил в идеалы добра и справедливости, в любовь и дружбу. Карьера у меня складывалась как нельзя лучше. После окончания юридического факультета все пророчили мне «хорошую командирскую» должность в одном из элитных подразделений Управления внутренних дел. Вокруг меня постоянно было много приятелей и приятельниц. Но, по большому счету, с женщинами, честно говоря, мне не везло. Как правило, я выбирал самых непостоянных и коварных, обижая тем самым тех, кто действительно питал ко мне какие-то чувства, и, по любым меркам, были наиболее достойны моего внимания. Возможно, что за такую неразбор-

чивость я и поплатился в последствии.

Иллюзии поры юношеского максимализма стали рушиться, преподнося мне уроки настоящей жизни. Из первого урока я извлек, что когда женщина говорит о любви, то не стоит безоговорочно верить ей, так как зачастую она пытается судить о том, чего не знает.

Уроком вторым стала иллюзорность дружбы. Те, кого ты считал, чуть ли не своими братьями, на деле всего лишь эксплуатировали твою удачу. Как только я совершал непрактичные, с точки зрения житейской логики, поступки, например, взял да и уволился из милиции, прервав рост своей «блестящей» карьеры без всякого разумного на то объяснения, так сразу же большинство «друзей» поспешили от меня дистанцироваться...

Впрочем, я не прав. Были люди, которые тогда не отвернулись от меня, а даже пытались поддержать... Но их помощь не могла спасти меня, ибо они сами были столь слабы и беззащитны перед обществом... Я не принял их милость и выбрал одиночество, отказавшись от многих земных радостей. Постепенно я привык к такому существованию, приспособился к окружающей среде. Никому не верил. Ни к чему не стремился. Плыл по течению. Предложили поучаствовать в организации российской газеты в провинции. Пожалуйста! Какая разница, чем и где заниматься? Кому-то еще нужен – и прекрасно!

И тут появилась Ита. Точнее, она появилась чуть рань-

ше, когда я еще возглавлял в Питере небольшую фирму, занимающуюся оказанием юридических и информационных услуг. Сначала была случайная встреча в офисе. Ее направили к нам для прохождения практики с факультета журналистики. Одна из многих... Она пришла, поулыбалась, ушла... и вернулась под каким-то надуманным предлогом. Знакомство состоялось. Я обратил на нее внимание, выделив из всех прочих. Изначально такой индивидуальный подход был не в ее пользу, так как она показалась мне вульгарной, излишне самоуверенной, наивной и недалекой девчонкой. Когда коллега, которому она безумно понравилась, попросил устроить вечеринку, куда можно было бы её с подружкой пригласить, то я согласился исключительно из чувства мужской солидарности. Но все получилось совсем не так, как мы предполагали. Ита выбрала меня... В крайнем случае, она, немного покапризничав, простила мне то, что мы разыграли их на спичках, и что в результате розыгрыша она доставалась мне – то ли согласилась с судьбой, то ли действительно сама сделала выбор?.. Несмотря на то, что Ита была моложе меня на двадцать лет, никакой разницы в возрасте я не ощущал. Она как-то сразу стала понятной и родной, что в жизни бывает исключительно редко...

На другой день после вечеринки, я подарил ей алую розу и попытался красиво расстаться, начав лепетать, изображая смущение, о своем разочаровании в жизни и все такое прочее, что, по идее, должно было несколько охладить ее пыл.

Но опять все произошло с точностью до наоборот. Ита истолковав превратно все мои предостережения, по всей видимости, решила, что я просто-напросто хочу от нее отделаться. А может быть, по неопытности ей действительно показалось, что она влюбилась в меня, в чем сразу же и призналась, ввергнув меня в прострацию. Что мне было с ней делать? Благо, подоспела пора уезжать в провинцию. Осушив ее слезы прощальным поцелуем, я с легким сердцем, в полной уверенности, что роман наш прекратился, шутя, пригласил ее последовать за мной. И каково же было мое изумление, когда некоторое время спустя, я получил от неё телеграмму. Она поехала из Питера в российскую глухомань. Для дочери богатых родителей из заграничной Эстонии, студентки Питерского университета это был поступок. Затем, вместе со мной она терпела все неудобства командировочной жизни и мое периодическое хамство, когда я в очередной раз пытался выпроводить ее, разглагольствуя о непреодолимом возрастном и социальном разрыве между нами. Но попытки мои избавиться от нее были тщетны – она все время возвращалась. И сердце мое дрогнуло. Я отказался подчиниться собственному разуму, который пытался убедить меня в том, что чудес на свете не бывает, что жизнь – это не любовный роман, что все у нее пройдет, что она не сможет выдержать мое затянувшееся возвращение к жизни, что не сможет она пожертвовать ради меня своими здоровыми амбициями... Да и сам я – смогу ли пожертвовать горько-сладостным отрешением

от суетной жизни ради нее? Но когда тебе под сорок, то порой так хочется во что-нибудь или кому-нибудь поверить. И сам себе, не признаваясь в том, я поверил Ите. Зря? Может быть, все же следовало прислушаться к голосу собственного разума? Не знаю. Впрочем, Ите ее родители, мои ровесники, твердили почти то же самое. Они настаивали на том, чтобы она прекратила прогуливать занятия в университете и возвратилась в Петербург. Совершенно правильно настаивали. И ультиматум ей предъявили по всем правилам рыночной экономики – или берись за ум и не строй из себя взрослую барышню до окончания университета, или из дому не поступит больше не одного денежного перевода – пусть, мол, твой избранник и позаботится о твоём достойном обеспечении. Все это было убедительно для нее и понятно для меня. Содержание такой молоденькой «штучки» требовало денег, с помощью которых можно было бы обеспечить привычный для нее с детства образ жизни. Да и Северную столицу ей оставлять насовсем не хотелось...

Ничего конкретного я ей не сказал, но начал потихоньку входить в дела и «делать» деньги. Мне нужен был еще месяц, чтобы закончить выполнение взятых на себя обязательств и за счет причитающегося мне вознаграждения выкупить квартирку в Питере, поношенный «Форд» с форсированным движком и путевки на элитный черноморский курорт. Пришлось вспомнить опыт работы бизнес-адвокатом и заняться юридической практикой для платежеспособной

части населения.

Ита уехала в Питер сдавать сессию. Не виделись мы уже около двух месяцев. В то время я занимался «отмывкой» денег одного из своих ненавистных клиентов, соблюдая при этом, максимально правила конспирации, так как ни мне, ни ему не нужно было огласки. Над составлением бумаг сидел ночами. Днем на основной работе засыпал на ходу, валился от усталости с ног в прямом смысле этих слов. Хоть и противно мне было помогать ненасытным человекообразным хорькам скрывать наворованное богатство, но делалось ведь все это ради НЕЁ! Эта мысль, казалось, должна была меня успокоить, тем более что с каждым днем я приближался к тому состоянию, когда смог бы удовлетворить любое ее пожелание. Но желал ли я сам быть вместе с Итой? В мыслях даже боялся я произнести этот вопрос, но каждый раз пытался оттянуть принятие окончательного решения, придумывал всякие предлоги, чтобы не ехать к ней и как-то поймал себя на мысли, что радуюсь стечению обстоятельств, препятствующих нашей встрече, в форме волокиты с оформлением визы, загранпаспорта или еще чего-нибудь. По всей видимости, я испугался кардинальных перемен в привычном укладе жизни и тянул время в ожидании случая, предоставляющего возможность оправдать свою нерешительность, ставшую реальной причиной разрыва наших отношений. Я надеялся, я почти верил в то, что молодость возьмет свое, что она не выдержит долго одиночества. Она уже познала удовольствие,

которое можно получить с мужчиной, а их, мужчин, вокруг в избытке – молодых, энергичных, красивых, остроумных, стремящихся к тем же удовольствиям. И, наконец, дождался. Выслушав по телефону очередную порцию моих заверений в необходимости отложить мой приезд к ней еще на какое-то неопределенное время, она решительно заявила:

– Я говорила, что никогда не смогу простить тебе измену. Думаю, что и ты тоже...

Глупая, жестокая девчонка! А если бы я тебя, в самом деле, любил? Впрочем, если бы любил, то давно уж обнимал ее колени, а не прятался бы за надуманные причины своего отсутствия. И она прекрасно чувствовала подобную неискренность. Но, все равно, обидно... Сердце екнуло и на какой-то миг замерло от такой новости. Ну, зачем она вытаскивала меня из небытия? С одной стороны, роман затянулся, и его давно было пора прекратить, чего и сам в тайне желал. Но, с другой стороны, было такое ощущение, что в моей душе убили веру в чудо, в любовь... Осталась только тоска. Я не способен на высокие чувства. Ничего нового не случилось... Впрочем, это был первый случай, когда я разменял слово «любовь», не любя. Зачем? Захотелось угодить молоденькой девчонке? Нет. Пожалуй, меня привлекло ее стремление к самопожертвованию ради любви. Было интересно наблюдать за ней и надеяться на то, что огонек чув-

ства разгорится в костер. В моменты отчаянной внутренней борьбы между ее страстями, когда на какой-то миг любовь одерживала верх, всячески хотелось поддержать ее, и как-то в порыве нежных чувств я даже сболтнул: «Я физически не смогу жить без тебя». Я вспомнил этот случай и ухватился за него как за ценную находку. Раз сказал – значит нужно соответствовать! Вот куда нужно идти дальше! Вот чего ты еще не знаешь – ты не знаешь того, что делается на краю жизни. Но покончить с собой – это грех и еще большая слабость, чем поверить женщине. Пусть судьба и дальше ведет меня. Отправиться я решил туда, куда всегда бежали поэты от несчастной любви – на вечно воюющий Кавказ. Хотя, может быть, бежали и не от любви, а, скорее всего, от разочарования в жизни. Надоела и мне вся эта мышьяная возня. Борьба за право просто честно жить стала неизбежностью, похожей на битву Дон Кихота с ветряными мельницами. Я не хотел уподобляться несчастному безумцу, но и продолжать вести скотский образ жизни не было сил терпеть. Поэтому – на Кавказ!

Но сначала была Москва...

Часть первая

В МОСКВЕ

1. Сашка

В первый же вечер служебной командировки в Москву на фестиваль театров малых городов России, я позвонил из гостиницы своему питерскому приятелю, известному радикальными патриотическими взглядами.

– Саша! Привет! Ты как-то рассказывал о Русском легионе. Не подбросишь мне их московский адресок?

Сашку многие считали не совсем нормальным. Да и сам я при первой нашей встрече был того же мнения. Но стоило мне с ним пообщаться, увидеть его картины, почитать его стихи, и мнение мое переменялось на прямопротивоположное. Сашка обладал огромным интеллектом и неисчерпаемым творческим потенциалом, что давало ему право на снисходительное отношение к массе суетливых человечков, копошившихся в пыли проходящей мимо истории. Ему нравилось разыгрывать из себя дурачка и наблюдать за самодовольством своих собеседников, не видящих дальше кончика собственного носа, распухшего от гордыни до размеров мирового экрана, защищающего внутренний мир его обладателя от потоков разума, совести, чувственности... Многое в творчестве Сашки было созвучно моему душевному

самочувствию. Он умел находить красоту там, где другой ее не видел. Он спасал красоту, обращая на нее внимание своими картинами. Когда-то он работал художником на Ленфильме, а когда Союз развалился, а следом и мощнейшая киностудия, Сашка не ударился в бизнес, отказался от заманчивых предложений и остался свободным художником, берущим заказы только для того, чтобы обеспечить себе минимум на пропитание, содержание квартиры и студии. «Мне противно работать на этих подонков, прорвавшихся к власти, – заявлял он, – Если бы я увидел, что для торжества идеи всеобщей справедливости нужна была бы от меня жертва творческой свободой, то я, не задумываясь, пошел бы работать туда, где был бы наиболее полезен – убирал бы мусор, мел улицы, пахал землю... Но делать что-то сейчас – это лить воду на мельницу, которая тебя же и перемелет. Демократия и рынок – это подлейшие демагогические изобретения, направленные на оболванивание и порабощении народов, но я ничего не могу им противопоставить, так как нет организации, способной осуществить противостояние, нет лидеров»... И все же, у Сашки были интересные знакомых в самых различных слоях общества, в том числе и среди тех, кто пытался что-либо доказать с помощью оружия.

Ни о чем не спрашивая, Сашка продиктовал мне номер сотового телефона. Я тотчас же по нему перезвонил, и мне назначили встречу на Манежной площади.

2. На Манежной площади

Москва. Центр. Манежная площадь. Ясный солнечный день. Нескончаемый поток машин. Толпы гуляющих на фоне всемирно известных исторических стен Кремля. Под площадью ворчит супермаркет. То и дело мелькают «членовозы» с «мигалками». Чиновники рангом пониже важно шествуют к своим кабинетам, облачившись в униформу – черный костюм, белая рубашка, непонятного цвета галстук. Вокруг Манежной попарно гарцуют конные милиционеры. Красные попоны на лошадях, подогнанная по фигурам форма на всадниках. Может быть, это ряженые, как тот боярин на Красной площади, с которым может сфотографироваться любой желающий?.. Да, нет. Похоже – это взаправдашние стражи правопорядка...

С громадного экрана над входом в метро москвичей и гостей города приглашают в театр Эстрады на «Труп на теннисном корте» с Хазановым и Мигицко, представляется новый номер журнала «Культ личностей» с Гурченко, Фоменко и Муссолини – «диктатором и сердцеедом», напоминает о концерте Ларисы Долиной и Игоря Бутмана, о галерее высокой моды... «Культурная жизнь» столицы бьет ключом, впрочем, как и деловая. Нынешние москвичи известны своей деловитостью. Все более или менее крупные дела делаются в Москве. Подавляющее большинство перемещающихся

по Манежной – молодежь с пивом, сигаретой и «мобильником».

«Але, привет! По чем возле вас баксы скидывают?»

«Да ты че? Такой прикид на стоко не тянет...»

«Давай башляй за кайф, а вечером перетрем...»

«Я в нете такой бутик зачатила...»

«Не, в школе такой товар не прет...»

Приблизительно такой могла быть стенограмма телефонных переговоров с Манежной площади. Между тем солнышко просушило газоны, нагрело гранитные бордюры, и поиск свободной скамейки стал неактуален, так как теперь можно было расположиться всей компанией прямо там, где стоишь, чтобы уже в сидяче-лежащем положении продолжать борьбу с пивом и сигаретами путем их уничтожения. Обиходная речь юных москвичей и москвичек практически ничем не отличалась от речи их сверстников где-нибудь в глухой российской провинции, тот же набор слов с матерком, те же темы —

тусовка, обновка, бабки, балдеж...

Чуть ли не ежеминутно к урнам возле скамеек подходят представители старшего поколения москвичей. Им не до отдыха и не до стыда – им бы выжить, им бы поесть чего-либо. В урнах они ищут объедки. А еще они спешат подобрать пустые бутылки из-под пива. К собирателям тары здесь относятся с терпением, с некоторой долей снисхождения. Какой-то подвыпивший юнец вступает с одним из собирателей

в разговор, бравируя перед подружкой, типа, ну смотри, какой я крутой – с простым народом общаюсь, мол, все мне до фени:

– Бутылки, дед, нет у меня, мы баночное пьем – оно правильнее.

– Да, – отвечает мужчина в заношенном до невозможности костюме, но при галстукe и с большим портфелем, – конечно, современный баночный дизайн более приемлем в новых условиях потребления слабоалкогольных напитков, но, к сожалению, у нас еще не отлажен механизм переработки вторичного сырья... Я пробовал собирать банки, но их принимают в очень немногих пунктах далеко отсюда и по очень низким ценам...

– Во, загнул, профессор! Хочешь «косячок» затянуть?

– Благодарю вас. Нет. Я бы не отказался от обычной сигареты...

А это что за крик? Ребенок? На коленях стоит возле будки биотуалета пацан лет двенадцати и колотит по его стенке зажатой в руке рваной красовкой, которая, по всей видимости, не налезла на замотанную грязным бинтом ногу. Убедившись в бесперспективности своего занятия, он пополз на четвереньках к центру Манежной, и, перебравшись через проезжую часть, прилег прямо на тротуаре на теплый гранит. Когда его потревожила уборочная машина, он отполз на га-

зон и прокричал оттуда что-то нечленораздельное. Затем он извлек из огромного пиджака окурок и зажигалку. Прикурив. Затянулся. Упал лицом на газон и стал, есть траву.

Тем временем проехала по новому кругу пара конных милиционеров. Рядом со мной на лавочку уселись две старшеклассницы – пивка выпить да по-сигаретке выкурить. На противоположной скамейке появилась еще одна девушка постарше крашенная блондинка. Она достала из сумочки красочный журнал и углубилась в чтение. На большом экране вновь рекламировали неунывающего хохмача Фоменко, который как-то в пору существования бит-квартета «Секрет» согласно кивал головой на заявление то ли Максима Леонидова, то ли Заблудовского, о том, что их мужская дружба крепка на век, и если что-то помешает им вместе выступать на эстраде, то они уйдут работать на завод или wherever куда, лишь бы не расставаться. Но не ушел на завод никто. Первым сбежал из «Секрета» Леонидов, возомнив себя последователем Элвиса Пресли, сыграв его роль в мюзикле. Да к тому же и голос еврейских предков позвал на землю обетованную. Потом и Фоменко подался в шоу-бизнес, оставив «Секрет» без особых мучений... Времена красивых поступков сменились временем шоу. Настала пора «рубить бабки» и «разводить лохов» через телевидение. На кой черт нужна слава участника бит-квартета, когда можно хорошо поиметь на поприще шоумена. Там был один из четверых, а здесь единственный и неповторимый грубовато-пошловатый, то

есть свой «в доску» для «высшего света», сформировавшегося из «братков» и «демократов». Теперь его знают все. Даже эти пожилые собиратели бутылок, которые по-прежнему продолжают систематически осматривать урны в поисках еды. На шоу они, конечно, билет не купят, но реклама и газеты, вытасканные из «мусорок», делают информацию о «звездах» доступной и для них.

Еще трое любителей пива, купив по бутылке здесь же с рук у бабушки, подстелив газетку, разместились на гранитном высоком бордюре. Парням лет по двадцать. В кожаных куртках, в джинсах. Один из них поднялся и подошел к валяющемуся в траве подростку. Присел возле него на корточки. Протянул сигарету. Тот, как должное, принял подаяние и, не рассматривая, сунул в карман. Руки его в грязи, в цыпках...

– Чё у тебя с ногой?

Подросток что-то невнятно пробормотал и отвернул ошметки бинта. Открылась ужасная гноящаяся рана.

– Ва-ва. А-а-а! – пояснил он, как бывает ему больно и, считая, что достаточно продемонстрировал свою благодарность за полученную сигарету, не обращая на парня внимания, улегся вздремнуть на зеленом газоне.

Тлеющий окурок прилип к его нижней губе. Вместо подушки он использовал кроссовку. Парень положил рядом

с ним еще несколько сигарет и пошел к своим товарищам, негромко ругаясь:

– ... им уже на все наплевать. Они в открытую жируют, гады! Валим, мужики, отсюда, а не то я какому-либо «сопляку голубому» невинному башку сорву.

Конная милиция появилась по третьему разу. Остановили двух арабов. Проверяют у них документы, не слезая с лошадей. Девчонки рядом со мной дососали по второй бутылке пива. Реклама зазывала на карнавал джаза. На светофоре остановился желтый троллейбус с надписью «Осторожно, дети!» Подросток, поднявшись с газона, что-то радостно крича, понесся на четвереньках за уборочной машиной. Внимание на него больше никто не обращал. Правда, совсем юные тинэйджеры тормознули возле подземного перехода и один бросил другому:

– Ты смотри, живой еще, бля! Ползает сучонок...

Девчонки закусили пиво сигаретным дымком и понеслись к какому-то Жанну на клеевую тусовку. Я посмотрел в сторону девушки с журналом и... встретился с ней взглядом. Она улыбнулась.

– Отдыхаете?

– Да, вот... – несколько растерялся я.

– А что записываете. Если не секрет? Не стихи ли?

– Да нет. Заметки. Зарисовки с натуры от нечего делать.

– Меня вы тоже зарисовали?

– Несомненно, – осмелел я, – так как вы самый приятный объект для наблюдения.

– Вот как? Тогда давайте знакомится. Меня зовут Лена. А вы Сергей Воронежко. Не так ли? – и предупреждая мою попытку выразить словами недоумение, добавила тихо, – Вы уж извините, что сразу не подошла. Я тоже люблю понаблюдать за новыми людьми. Я из Русского легиона.

В гостинице «Россия»

Для рекрутов Русского легиона были забронированы номера «люкс» в гостинице «Россия». Я оказался не одинок в своем стремлении поквитаться с жизнью. Легион существовал не первый год, и поток добровольцев не иссякал. Правда, и потери были весьма существенными. Кто-то погиб, кто-то стал калекой, кто-то попал в тюрьму... Да, и такое случается. Ведь легион – это нелегальная организация. И все, что мы делаем – незаконно. Только за ношение оружия можно было привлечь к уголовной ответственности каждого. А что уж тут говорить об ответственности перед законом после того, как оружие побывало в деле. Бойцы легиона оставили свой след в различных точках планеты – в Чечне,

в Югославии, в Прибалтике, в Грузии, на Украине, в Ираке, в Пакистане... Всегда этот след был анонимен. Никогда Легион не афишировал себя. Кто стоял во главе Легиона, никому известно не было. В крайнем случае, рядовые легионеры этого не знали. Да никто из них особенного любопытства и не проявлял. Существовал Легион за счет добровольных пожертвований, «крышевания» и «экспроприации». Я тоже выступил в качестве спонсора, передав в фонд Легиона все, что было заработано для Иты. Я так же отказался от денежного вознаграждения, которое выплачивалось легионерам, участвующим в боевых операциях. Точно так же поступил и мой новый приятель Жека Рог. Наша «зарплата» шла в фонд поддержки легионеров, получивших увечья в результате участия в акциях, в боях. Из этого фонда осуществлялась и поддержка семей погибших легионеров. Жека сказал, что на Северном Кавказе, где-то в районе Железноводска есть целый санаторий, принадлежащий Легиону. Может быть, и нам придется побывать в этом санатории – госпитале. Хотя лучше бы, конечно, сразу, без мучений. Боже упаси от беспомощности.

4. Жека Рог

История Жеки Рога была проста до обидного. Молодой, энергичный, умный, он после юридического факультета МГУ легко и быстро сделал себе состояние на должности бизнес-адвоката ряда крупных московских фирм. К тридцати годам у него было все, что считалось признаками благополучия. Не хватало молодой красивой жены. Он решил устранить подобное несоответствие и сделал предложение самой красивой студентке Москвы, будущему искусствоведу, любительнице веселых кампаний и легкой жизни. Свадьба была на зависть всей столице. Жека стал абсолютно счастливым человеком. Детей решили до окончания ВУЗа не заводить – оставалось всего-то каких-то два года. И вдруг... Жека не справился с одним из дел и проиграл процесс. Очень распереживался и... не оправдал надежды еще одного клиента. Полоса невезения впервые попала на его жизненном пути. И он еще не знал, что значит терпеть поражение. Теряя клиентуру, он соответственно, терял деньги, что не нравилось его жене. Молодые и красивые женщины любят победителей. Не успел Жека и глазом моргнуть, как его законная супруга закрутила роман с его же, более удачливым на тот период, другом. «Сердцу не прикажешь» – объяснила она Жеке. Здорово, да? Как я его понимал! Сам ведь был почти в такой ситуации. Может быть, поэтому, а может быть, в си-

ду профессиональной корпоративности, как бы там ни было, но мы с ним подружились. Кстати, Жека Рог – это псевдоним. Здесь все под псевдонимами. Я тоже взял свой старый литературный псевдоним Серж Казбич. Вот такая у нас получилась парочка – Рог да Казбич.

5. Эволюция справедливости

Но не стоит думать, что Русский легион весь состоял из таких вот обиженных жизнью как я и Жека. Здесь полно было разных судеб. Например, один очень даже известный писатель, который, как и положено настоящему писателю, сидит в «Матросской тишине» за свои убеждения и пишет оттуда пламенные воззвания к легионерам. Официально он сидит, конечно, за призыв к свержению существующего государственного строя. Говорят, что несколько раз он участвовал в боевых операциях Легиона в качестве рядового бойца. Это уже потом он стал пытаться придумать какую-то идеологию для Легиона. А какая здесь может быть идеология? Борьба за справедливость? Я помню, когда защищал диплом в университете, один профессор спросил меня: «Вы что, действительно считаете возможным создание идеальной модели справедливости?» Когда я ответил утвердительно, он величественно хмыкнул: «Ну что ж, дерзайте, молодой человек. Правда, до вас на практике это никому не удалось». Я тогда завелся и произнес целую речь: «Выработать четкое понятие справедливости и на его базе разработать модель общественных отношений – это первоочередная важнейшая задача для юристов. Это наша обязанность – не только теоретические изыскания, но активная пропаганда приобретенных знаний. Наша пассивность уже привела

к тому, что понятие справедливости определяют продажные политики, одевая его в те одежды, которые приходятся ко двору конкретного заказчика. И самое страшное в том, что, зачастую, в роли таких беспринципных политиков выступают выпускники юридических ВУЗов. Они приобрели за время обучения навык манипуляции нормативными актами. Но не получили ни малейшего представления о конечной цели нормотворчества...» С точки зрения обогащенных знаниями и жизненным опытом университетских преподавателей, я нес идеалистическую чушь, о чем мне честно и сказал после защиты мой «научник». Но все же меня не выгнали из аудитории, и защиту диплома на тему «Право и справедливость» зачли на «отлично». С тех пор мой энтузиазм заметно снизился. Я стал более терпелив и равнодушен.

В Русском легионе, конечно же, не открыли определение понятия справедливости, годное для всех случаев жизни. Более того, на собеседовании с представителем Легиона в гостинице «Россия», куда меня привела Лена, мне многое не понравилось. Здесь сильно пахло русским фашизмом. Но в данный момент мне было на это наплевать. Главное – здесь можно было поиграть в пятнашки со смертью, а во время такой игры все посторонние мысли из головы вытесняются инстинктом выживания – ни о чем другом думать не приходится. Наилучший вид отдыха. Как раз то, что мне надо – или вырваться из полузабытья, или перебраться в мир иной. Скорей бы в дело...

6. Медосмотр

После устного собеседования я прошёл настоящее медицинское обследование. Врачу не понравилось мое сердце.

– Если бы я перестал верить своим глазам и руководствовался бы вашей кардиограммой, то я должен был бы представить вас в лежачем положении, обессиленного, в предынфарктном состоянии. Вы знаете, куда вы хотите попасть?

– Да. Конечно.

– И вы думаете от одного стресса вылечиться другим? Я не уверен, что ваше сердце выдержит такую терапию.

– Я думаю, что только такая терапия и может спасти мое сердце. Я устал от слаборитмичной монотонной жизни. У меня кровь в жилах от тоски застывает. У меня психика из-за отсутствия нагрузок расслабляется. Еще немного благоденствия – и я превращусь в идиота.

– Да, молодой человек, как для вас это не покажется странным, но в ваших домыслах нет ничего необычного для этого места. К сожалению, у вас типичные симптомы обыкновенной депрессии, вызванной неустойчивой ситуацией в личной жизни или в социальной среде. Но я не собираюсь проводить с вами сеанс психоанализа. Я здесь для того, чтобы определить степень допуска для участия в активных мероприятиях Легиона. И для меня картина ясна. Вы

способны еще работать головой и вполне адекватно воспринимаете окружающую вас действительность. Ну, а о степени пригодности для дальнейшей активной эксплуатации ваших мышц и прочих частей тела вам скажут в другом месте.

7. В тренажёрном зале

Установив мне диагноз, эскулап отправил меня в тренажёрный зал. Инструктор показался мне знакомым, но кто он и откуда конкретно, вспомнить не мог. Он погонял меня по разным тренажёрам, а затем предложил поспаринговать. Когда через пятнадцать минут я все еще был на ногах, он остановил спарринг.

– Не ожидал увидеть тебя здесь, да к тому же в таком озверевшем виде. Я думал, что ты давно в окружении президента. А может быть ты и есть «казачок засланный» из его бывшей конторы? Не узнал, что-ли? Питер. Восьмидесятые. Общага ментовская. Неужели забыл? На дискотеке как сцепились тоже не помнишь? Василий я, незабвенный комсорг наш Сергей Викторович Воронежко.

– От того Василия мало что осталось. Возмужал.

– А ты все таким же пацаном смотришься. И технику не наработал – выезжаешь на одной злобе. И откуда ее у тебя столько?

– Это, Василь, не злоба... Точнее, злоба, но на самого себя. Но ты-то как здесь? Последние слухи до меня доходили о том, как ты успешно совмещал службу в милиции с «крышеванием». Так здесь что – банда или отдел МВД?

– Здесь, Серый, что-то типа народной милиции. И мне это

нравится. Даже если мне перестанут платить бабки, то я все равно буду молотить на Легион. Но, вообще-то, у нас, чем меньше знаешь, друг о друге, тем лучше – выдавать некого будет, когда припрут.

– Кто припрут?

– Да хоть кто. Мы же для всех вне закона. Никто за нас заступаться не будет. Официально нас нет. На данном этапе мы кое-кого устраиваем и нас не трогают, до тех пор, пока не наступили на чей-нибудь очень любимый мозоль. Так что никаких иллюзий не строй.

– Я и не строю.

– Ты где остановился?

– В «Центральной».

– Не понял. Наши все здесь.

– У меня в Москве еще есть кое-какие незаконченные дела по основной работе.

– А-а-а! Так ты к нам развеяться. Экстрима захотелось. Ну, давай-давай. Тоже неплохо.

– Можно сказать и так, если хочешь.

– Физически и теоретически ты к войне готов... Только на фиг тебе на Кавказ переться? Ты ж и по горам ходить не умеешь.

– Я служил срочную в Горном Алтае.

– Да что ты говоришь? В Москве, между прочим, можно развеяться не хуже, чем в Чечне. Сегодня вечером занят?

– Нет.

– Приходи сюда. Посидим. Слегка выпьем. Вспомним молодость. Попаримся в сауне с девочками. С ребятами тебя познакомлю. А завтра, если захочешь, свожу тебя на местную акцию.

Здесь, пожалуй, следует прерваться и пояснить, кто такой инструктор Вася, и как мы с ним познакомились.

8. Инструктор Вася

В далекой юности, лет восемнадцать назад служил я в ленинградской милиции, заочно обучался на юрфаке ЛГУ и жил в ментовской общаге на улице Есенина. В то время парнем я был активным, жизнерадостным – возглавлял Совет общежития и крутил дискотеки. Вот именно на дискотеке, как вы, наверное, уже догадались, я и познакомился с Василием.

Сижу я себе тихонько за ди-джейским, тогда еще диск-жоккейским пультом, треплю всякую пургу в микрофон между песнями, развлекаю публику и краем глаза замечаю какую-то возню у входа. Дискотека в тот вечер была «специализированная» – вход только по приглашительным билетам. Я как лицо ответственное, передаю свой микрофон помощнику и к выходу. А там Василий нагло прет на контролеров, мол, в своей общаге куда хочу, туда хожу.

– Что-то я тебя в общежитии не видел, – вмешался я.

– А тебе какое дело? Я, может быть, сегодня только посетил.

– И сразу такой бурой?

– Чего?

Постояли мы друг против друга, поиграли в «гляделки».

Он захотел оттолкнуть меня, но я устоял и схватил его за запястье. Сила в моих руках была немалая. При внешней худобе этакий сюрприз. Я на этом частенько импровизированный армрестлинг разводил. Многие соглашались побороться со мной на руках и попадались. Я дал почувствовать Василию силу своего рукопожатия. Это, как всегда, сработало. Он слегка успокоился. Я же решил его добить.

– Если у тебя с избытком энергии проблемы, то спустимся на первый этаж. У нас там есть комната для тихих бесед.

– Да я тебя...

– Вот там ты и попробуешь меня сделать.

На первом этаже общаги мы соорудили что-то типа маленького спортзальчика на месте бывшей прачечной. Спустились мы туда. Помахали руками-ногами. Никто никого особенно не задел. От его ударов я уходил, а на него старался особенно не нападать. В конце концов, пар мы выпустили и... познакомились. Потом я встретился с ним на стадионе «Динамо» у тренера по рукопашному бою. Какое-то время занимались с ним в одной группе. Как-то вместе участвовали в соревнованиях. Выступали за одну команду. И в командировку в так называемую «горячую точку» мы тоже попали вместе. После того, как я ушел из милиции, я еще несколько раз случайно встречался с ним на улицах Питера. Но последние лет десять я о нем ничего не слышал. И вот встрети-

лись. Кстати, я нередко встречаю своих бывших сослуживцев в самых неожиданных местах. И порой такое впечатление складывается, что только тогда была жизнь, а теперь одни воспоминания.

9. «Застаканная» философия

Вечером мы парились в сауне гостиницы «Россия». Было нас пятеро мужиков. Василий познакомил меня с легионером. Петро Галун и Рэкс Лохматый пришли в легион по идейным соображениям. В Москву приехали на побывку из Югославии. Жека Рог спустился за пополнением с Кавказских гор. Все воевали уже по второму году.

Попарились мы. Попили пивка. Потравили мужские байки. Когда появились девочки, я и Жека поднялись в номер, захватив ящик водки. Следом прибежал Василий.

– Мужики, да вы чё? Классные же тёлки... Где вы в горах сможете так оттянуться.

– Ну вот и давай, Вася, постарайся там и за нас тоже... А когда надоест, поднимайся к нам – нальем. У нас сегодня есть стремление напиться, – пояснил Жека, разливая по первой.

– Не. Вот как раз напиться у меня не получится. Я ж вам говорил, что акция завтра. Собирался и вас с собой прихватить, а вы в загул.

– Не бойсь, Василий, – вмешался я, – когда будешь собираться на акцию, загляни к нам.

Пили мы с Жекой в тот раз по-черному. За всю свою пред-

шествующую жизнь я, наверное, столько не выпил. Почти не закусывали. Курили сигареты одну за другой. ...И не пьянели.

– У меня уже давно такое, – пожаловался Жека, – сколько бы не выпил – ни в одном глазу. То же самое от сигарет. Хоть бросай.

– И эту радость природа отобрала...

– Да не природа, Серж, а собственная глупость и впечатлительность. У нас с тобой и мозг, и сердце, и душа зациклились на несуществующем понятии любви. Все процессы в организме стопорятся. И настолько этот стопор силен, что ничем его не сломать.

– Не только любовь, Жека. В крайнем случае, у меня. Все одно к одному. Стечение обстоятельств. Судьба... Кризис среднего возраста. Крушение юношеских иллюзий. Полжизни прошло, а я все еще в позиции «на старт». Все, что было наработано в пору юности – коту под хвост, и ни любви тебе, ни друзей, ни славы, ни богатства. Так хотелось быть кем-то, быть полезным для человечества, что-либо выдающееся совершить. А получился «пшик».

– Вроде бы и не дураки... Университеты позаканчивали...

– Неправильное у нас было отношение к жизни. Мы все к чему-то готовились, а нужно было брать, хапать с самого начала. К жизни должно быть потребительское отношение. Книги нужно меньше читать...

– Ага, и не думать совсем. Жалеешь, что скотиной не стал?

– Почему же не стал? Кто я, если не бессловесная скотина? Что я могу изменить в этой жизни? Ничего. Только я ко всему прочему еще и не любимая у хозяина скотина. Потому как проку от меня никакого.

– Да мы и с пастухами-то ничего поделывать не можем. Не достать нам даже их, не то, что хозяина. Держат нас специально в таком состоянии, чтобы все жизненные силы уходили только на выживание. Рынок, мать его за ногу...

– Нам дают потреблять от жизни одну сотысячную от ее благ, лишая доступа к остальному. Но блага-то все эти и производят потребители одной сотысячной.

– Парадокс. Ладно, мы – бездельники, ничего не производящие. Но громадное большинство людей физического и умственного труда несут добровольное ярмо такого общественного обустройства, когда ничтожная часть богожителствует за их счет...

– Потому что во всем мире нет ни личности, ни организации, даже теории нет, предлагающей разумную реальную альтернативу этому обществу. И в то же время, вот так вот за стопкой водки любой нормальный мужик изложит тебе удивительно справедливое видение мира. Все все знают, и никто ничего не делает.

– Но мы-то кое-что делаем. Как говорится, не было счастья – несчастье помогло. Перестав любить жизнь, мы, придя

в Легион, другим делаем жизнь хоть немного легче, избавляя их от паразитов и прочей всякой мрази.

– Ох, Жека! Не знаю. Я на своей шкуре убеждался не единожды, что, делая добро, ты творишь зло. Я с детства стремился помогать людям. И сначала до меня долго не доходило, почему у меня появляются недоброжелатели, если я все делаю ради кого-то и ничего для себя. И лишь недавно я понял, что стоит тебе кому-то помочь, как этот кто-то вскоре начинает считать, что я ему просто обязан помогать и впредь, что это не акт моей доброй воли, а прямая обязанность. И более того, этот кто-то ставит умозрительно в прямую зависимость от меня свои дальнейшие успехи и неудачи. Если ему не везет – я виноват. Почему это я ничего не делаю для его спасения? Почему последнюю рубашку с себя не снял и ему не отдал?

А если я его поднял достаточно высоко, то он пытается побыстрее избавиться от меня, чтобы не напоминать я ему своим видом о том, что он не сам всего достиг, а ему помогли. И это при том, что я никогда ни от кого не требовал благодарности. Я перестал верить людям. Может быть, это и есть основная причина того, что я здесь... И любовь здесь не при чём. Любовь – это болезнь, к сожалению, неизлечимая. К тому же, чисто мужская болезнь. Женщины любви не знают. Им знакома только страсть. Поэтому они так много говорят о любви... А живут страстями. Страстей-то много...

Философствуя в подобном духе и наслаждаясь взаимопониманием, когда один продолжает, развивает мысль другого и наоборот, мы не замечали как бежит время. Приход Василия вернул нас к действительности. Было восемь часов утра.

– Ба! Да вы что, совсем спать не ложились?

– Нам это ни к чему, – поставил я пустой стакан на стол, – излагай задачу.

– Ты уверен?

– Василь, – поддержал меня Жека, – Серж будет моим напарником. Тебе это о чем-либо говорит?

– Ну, раз так... Нам нужно прикрыть скинхедов..

– Что? – не сдержался я, – за этими бритоголовыми придурками стоите вы?

– Ты не кипятись. Мы за ними пока что не стоим. Но это одна из наших задач. Сейчас они практически неорганизованны. Их лидерами часто являются нереализовавшиеся переростки, иногда, деятели националистического направления. Но чаще всего, это обыкновенные уличные подростковые банды со своей символикой. Они зачастую не наблюдают разницы между фашизмом и нацизмом. Просто, в толпе они чувствуют силу, которой не обладают в отдельности. Пацанам нравится, когда их боятся, когда о них говорят, что они круче футбольных фанов, потому что они как бы за чистоту рассы. Такие группировки были в России всегда. Если у них не появится толковый идеолог, то они рассыпают-

ся. А если появится? Не лучше ли опередить такое появление и направить их энергию в нужную сторону? Серж, я тебя не узнаю. Ты же всегда выступал за справедливость. Переговорел, что ли? Благодаря нам, акция скинов не будет носить дикий характер. От нее не пострадают случайные люди.

– Конкретнее, Маккиавели, – Жека сдернул с себя футболку, готовясь залезть под душ.

– Они традиционно более всего любят устроить мордобой евреям и азерам. Мы их и навели на притон, где торгуют наркотиками и нашими шлюхами. Раздолбить такой гадюшник – святое дело. Милиция их не трогает, светские власти не замечают – все куплено. А «черные» не меньше скинов воображают, что именно они высшая раса аллахом избранная для того, чтобы «русские свиньи» на них пахали. И пашут... Обнищавшие, доведенные до отчаяния, пашут за копейки, за кусок хлеба, а потом, когда подсадят на иглу – за дозу. Девчонок наших они используют в качестве рабочего скота для траханья. А тем дурочкам и невдомёк, что их разводят – думают, что они сами выбирают. Но это до поры до времени, пока их в наглую насильничать не начнут, так как продадут потом куда-либо в горы, либо использовав, грохнут и заруют в ближайшем лесочке. Эта группировка держит в Москве несколько продовольственных рынков, где, кроме сбыта наркотиков, опускают наших фермеров да колхозников.

– И вы против них хотите бросить пацанов?

– Серж, ты не видел этих пацанов в деле. К тому же, мы как раз и будем страховать их от неожиданностей, не допуская стрельбы и втягивания в разборку посторонних. Самих скинов мы используем втемную. Они о нас не догадываются. Наши «папы» считают, что для открытой работы с ними у нас не хватает кадров.

– Мы с голыми руками прикрывать их будем?

– Зачем же так? – Василий расстегнул сумку и вывалил ее содержимое. – Выбирайте на любой вкус – дубинки, нунчаки, электрошокеры. А это на крайний случай, – он аккуратно положил два пистолета. – Я решил – пусть будет знакомая система. Узнаешь родной ПМ?

10. Скинхеды

Вместе со мной в акции участвовало восемь легионеров. Не так уж и много, чтобы обеспечить прикрытие для сотни бритоголовых подростков, намеренных разгромить кафе, где собиралась взрослая банда. И не просто банда, а «хачики», занимающиеся наркотиками... Василь провёл краткий инструктаж.

– Глаза не мозолить. Себя не обозначать. Действия охраны азеров предупреждать. Огнестрельное оружие применять в самом исключительном случае. Стрелять по конечностям. Начало в двенадцать дня. В это время у них сходка. Скины собираются в десять у ВДНХ. Галун и Лохматый отслеживают их от места сбора до акции, предотвращая случайные эксцессы. Ветер и Токарь работают внутри объекта. На вас охранники. Змей, Облом и Финиш снаружи. Я, Рог и Казбич рядом в летнем кафе. Постоянно поддерживать со мной связь. Все. Разбежались.

На место Василь привел нас за два часа до «самых главных дел» для того, чтобы можно было осмотреться и привыкнуть к местности. Жека Рог пошёл на акцию только ради компании со мной.

– Не люблю я эти разборки. В горах всё проще. Там идет война. Есть конкретный враг, которого нужно уничтожить, иначе он уничтожит тебя. А здесь черт знает что. Приходится верить тому, что кто-то про кого-то сказал.

– Ладно тебе, праведник, – перебил его Василь, – будто-бы в горах ты дерешься не с теми, про кого кто-то что-то тебе сказал. С какой стати чечены для тебя враги? А? Тебе сказали, что они бандиты, ты и поверил, и мочишь их, хотя и не в сортире, но тоже вполне успешно. Я тебе скажу так, что большинство чеченских боевиков – нормальные ребята. У них просто другого выбора не было. Как нет его и у многих наших доморощенных бандитов. Система государственной власти поставила нас всех раком. А они не захотели подставлять свои задницы. Они захотели нормально жить. Чтобы «телки» их нормальные любили, чтобы жилье у них нормальное было, чтобы они стариков своих нормально содержать могли. Ну, а как ты этой нормальной жизни добьешься? Как? Нужно обязательно либо кого-то обмануть, либо у кого-то отобрать... Либо пойти на такую работу, где платят прилично. Например, в бандиты или, если хочешь, в боевики, или самому стать государевым человеком, чтобы кормится на борьбе с бандитами за счет работяг... Так что друг без друга никуда – если бы бандитов не было, то государство их придумало бы.

– Да, Василь, – искренне удивился я, – ты возмужал

не только физически. Сам книжек начитался или подсказал кто выводы такие?

– Не надо иронии, Серж. Когда мы с тобой убивали, прикрываясь милицейской ксивой, то не задумывались ни на секунду над правильностью сделанного. Сегодня все совсем по-другому. И, пожалуй, ты пока что не поймешь меня. Вот сходишь с Жекой в горы и, если, дай бог, вернешься живым, то и закончим этот разговор. Хотя, знаешь что? Я, пожалуй, сам к вам подскочу отдохнуть от городской суеты. Подышу на вашем перевале горным воздухом. Ты, Жека, как – не возражаешь?

– Наше дело маленькое. Кому куда ехать, не мне решать.

– Ладно, решим. Только ты, Серж, дождись меня. А то мне кажется, что ты больно спешишь с жизнью распрощаться. Это дело нехитрое. Всегда можно успеть.

– Мне, на самом деле, все вокруг осточертело. И, возможно, именно по той причине, которую ты назвал – отсутствие нормального пути к нормальной жизни. Кишка оказалась у меня тонка. Я не смог стать ни бандитом, ни дельцом, ни лизоблюдом.

– Вот-вот. Все вы такие чистоплюи. И кореш твой – Рог, такой же. Слабаки – это точно. Чуть что – губы надули и бежать. Да, ладно, было бы вас двое таких, а то ж вас, чертовой интеллигенции, пруд пруди. Из-за вас и бардак сплошной в мире. Потому что вы всё всем всегда уступаете. Мозги у вас варят, а отстаять свою точку зрения, пробить свою

идею к жизни, не можете.

– А ты можешь?

– Я боец, а не философ. У меня, на самом деле, идей нет. Одни чувства. Это вам нужно мозгами крутить, а не мышцами.

Жека ухмыльнулся, потянул через соломинку сок из пакета.

– Кончай, Василь. Сейчас время не то, чтобы идеей перевернуть мир. Все решают «бабки» или, как ни архаично, грубая физическая сила или сила оружия. К тому же, мне глубоко наплевать на все человечество. Я здесь – и этого достаточно. Ты лучше скажи, с какой это стати инструктор по физкультуре акции самостоятельно проводит. Уж не левая ли это халтурка на благо конкурентов, обреченных на разгром «хачиков»?

– Я на Легион пашу уже третий год. За это время, как говорится, зарекомендовал себя с положительной стороны. Иногда, в связи с нехваткой кадров да из-за скуки, я берусь за отдельные мероприятия. Среди скинов есть наш паренек, специально туда засланный. Я его не знаю, но именно он направляет волну «народного гнева» в нужную сторону.

На улице появился арьергард боевого отряда скинов. На вид – нормальные подростки. Особо даже не шумели.

Одеты, правда, одинаково – в кожаные куртки или жилеты и, конечно же, бриты наголо. У многих за плечами рюкзачки или в руках газетные свертки. На часах – ровно двенадцать. Газеты скомканы и брошены на асфальт. В руках оказались бейсбольные биты. Из рюкзачков извлекаются цепи, дубинки, нун-чаки... Толпа выросла мгновенно. Они сочлились со всех подворотен. Громить кафе начали молча, без единого выкрика, деловито уничтожая все и всех на своем пути.

– Следим за подходами. Если кто попытается прорваться на подмогу, то мы должны пресечь, – предостерёг Василь.

Но наше вмешательство не потребовалось. Все закончилось за восемь минут. Пацаны рассеялись так же внезапно, как и появились. Ушли с места событий и мы.

– И что здесь интересного? – возмутился я. – Где обещанный приток адреналина?

– Извини, брат, – улыбнулся Василь, – на этот раз обошлось все на удивление организовано. Я так подозреваю, что все же кто-то со скинами поработал до нас. Такой порядок в их боевых рядах – удивительное дело. Боюсь, как бы нас, в свою очередь, не подстраховали «старшие» legionеры. Мне тоже слегка обидно – даже не постреляли...

– Все к лучшему, Серж, – успокоил меня Жека, – будем

считать, что Василию не удалось испортить тебе впечатление от встречи с Кавказом.

Но перед поездкой на Кавказ, мне предстояло как-то решить вопрос по основному месту работы. Совсем порвать с легальным миром я не решался. Поэтому я предполагал по-возвращению в свой провинциальный городок, попросить у начальства предоставить мне очередной отпуск, а если не получится, то придумать причину для отпуска за свой счет.

Но выдумывать ничего не пришлось. Едва я вошел в кабинет главного редактора, он поинтересовался:

– В санаторий поедешь? Есть горящая путёвка в Железноводск...

Ну, так что это, дорогой Читатель? Стечение обстоятельств? Случай? Или судьба?..

Часть вторая

НА КАВКАЗЕ И В СИБИРИ

1. О записках

Зачем эти записки? Никак не для того, чтобы произвести впечатление на случайного читателя подробным описанием ужасов войны. Это многократно сделано до меня, хотя, вряд ли нужно с кем-то делиться знаниями, приобретенными убийцей. Как бы не называли тех, кто убивает, какими бы причинами не пытались оправдать убийство, но факт его совершения останется фактом, и ничего хорошего, ничего, чем можно было бы гордиться, нет и не может быть во всем этом... Куда важнее и интереснее мне представляется возможность рассмотреть те изменения, которые происходят в душе человека, попадающего в различные жизненные ситуации на пути к намеченной цели, в моей душе. И как меняется оценка цели по мере приближения к ней. Записки мои изначально были случайны, некоторые сразу же уничтожались, некоторые терялись. Потом мне захотелось для самого себя запечатлеть в рукописном слове образы тех замечательных людей, которые встречались на моем пути и предостеречь кого-либо от тех, кто за красочным многословием скрывает человеконенавистническую сущность свою. Порой мне казалось, что я вплотную приблизился к познанию исти-

ны, к понятию справедливости, и что я просто обязан поделиться подобным открытием со всеми. Но делая очередной шаг, я находил новые сомнения, а конечная цель моих исканий отдалялась, появлялись в ней новые очертания. Порой цель раздваивалась, и я в нерешительности замирал на месте. Куда идти? Зачем? Почему мой путь еще не прерван? Что мне предстоит еще совершить? Не заблуждаюсь ли я в том, что существует какое-то предназначение для меня? Не впал ли я из одной крайности в другую? Имел ли я право остаться жить? Пытаясь найти ответы на все эти вопросы, я доставал уцелевшие путевые записки своих походов и старался как-то их систематизировать, восстановить утраченные фрагменты, разбудив воспоминаниями память...

2. Поединок на ножах

Представитель Легиона встретил меня на станции Биштау и отвез в горы на так называемый Перевал, где формировались отряды легионеров. Я сдал все имеющиеся у меня документы (по ним кто-то будет устроен в санаторий) и стал никем. Если меня убьют, то мой труп опознать будет очень сложно.

Перевал представлял собой бывший пионерлагерь. Здесь нас переодели, накормили, вооружили, разбили по группам. Утром следующего дня каждая группа ушла по своему маршруту. После полудня я встретился с Жекой Рогом.

Мы работали там, где федеральные войска и представители МВД изображали «хорошую мину при плохой игре». Нас не касались условности писанных законов. Мы жили по неписанным законам современной войны. Часто о наших действиях писали в газетах, как о разборках между отдельными бандами боевиков. Хотя, с первых же дней пребывания в отряде Легиона, у меня сложилось такое впечатление, что о нас знали и те, и другие.

Одной из первых акций был отстрел участников теракта во Владикавказе. Я так и не знаю, от кого мы получали наводку, но основную часть боевиков мы накрыли во время перехода в горах. Пленных не брали. Переговоров не вели. Остальных вылавливали по городским квартирам, в ки-

шлаках и аулах. Навсегда останутся впечатления от первого соприкосновения с тяжелораненым городом. Казалось, что трущобы городской бедноты поглотили привилегированный центр, содрав косметический глянец с фасадов домов, разбив или запачкав стекла в многочисленных окнах-очках, исковеркав модные оправы витрин и вывесок, уничтожив ароматы дорогого парфюма подвальным запахом и гарью горелой резины. В жирных лужах плавали обломки мебели, какие-то тряпки... И для оставшихся в городе обитателей бывших комфортабельных кварталов все это было уже обычным. Люди привыкли к военному быту, не пытаясь его изменить, приспособились к нему. Большинство нормальных здоровых людей приспособились к тем тяжким условиям существования, которые возникли по вине кучки психически больных бездельников, возомнивших себя вершителями человеческих судеб. В который уж раз история повторяется – паны дерутся, а у холопов чубы летят.

Нам не нужны были постановления суда ни в отношении чеченцев, ни в отношении русских. Когда нам попался каптер из контрактников, торгующий боеприпасами и обмундированием, Жека предложил ему на выбор – застрелиться или драться на ножах с любым из легионеров на том условии, что если победит, то его отпустят. И этот придурок почему-то выбрал меня. То ли потому, что я был самый худой среди легионеров, то ли потому, что не обращал на него никакого внимания.

– Жека, тебе делать нечего – гладиаторские бои устраиваешь? – возмутился я. – Давай просто сдадим его контрактникам. Пусть сами с ним разбираются. Думаю, что мало ему не покажется.

– Серж, не подводи меня. Я же пообещал. Пусть и такой мрази, но все же... А ты разомнешься. Дёрнешь лишний раз судьбу за хвост. Я же вижу – ты скучаешь. Избавь мир от этого паразита, и тебе сразу станет легче.

Боже мой! Я ведь этого совсем не хотел. Да, мужик – вор. Причем, воровал у своих же боевых товарищей. Пока они рисковали жизнями, он за их спинами накапливал капитал, сбрасывал жене в Орловскую область деньги, шмотки... Мародёрствовал, наезжал на чеченских стариков и женщин, отбирая порой последнее. Ему не место на Кавказе, но убить его? Конечно, где бы такой подлец не оказался, он всегда окажется подлецом. И ведь он никого не жалеет. Почему я должен его жалеть? Потому, что у него жена и ребенок? Но тогда нужно прощать всех убийц, у которых есть семьи... Нет, это не повод, чтобы сохранить ему жизнь. К тому же, он выбрал меня себе в жертву. Убив меня, он надеется получить свободу. И после этого я его жалею? Еще непонятно, кто кого должен жалеть. Может быть, он на ножах дерется очень даже здорово в отличие от меня. Мне не приходилось заниматься подобными делами уже более десяти лет, как ми-

нимум. Ну, Жека, спасибо, удружил!

– Давай, давай, Серж, закаляйся. Реальный спарринг. Кто кого. Ставки максимальные.

По началу, я все еще надеялся обезоружить его и на правах победителя убедить Женьку передать пленного федералам с доказательствами мародёрства и торговли армейским имуществом, но сразу же подвергся такому стремительному нападению, что для размышлений времени не осталось. Мозг мой, на какое-то время отключился, уступив место инстинктам. Я очнулся только когда почувствовал как из-под моих рук в конвульсиях покидала человеческое тело жизнь. Мой нож торчал в его шее... Штык-нож... И было такое ощущение, что через рукоятку ножа вошла в меня энергия убитого. Дрожь прошла каждую мышцу, сжимая их как перед броском. Мгновения оказалось достаточно, чтобы вернулось то, из-за чего я в свое время ушёл из милиции – уверенность в необходимости поступать с подлецами, ворами, бандитами и прочими подонками только так, как я только что разделался с каптером, уверенность в моем праве на убийство ради установления справедливости переполнила моё сознание. Хотелось насилия, расправы, торжества победы над теми, кто был уверен в своей безнаказанности, воруя, обманывая, калеча и лишая жизни невинных, беззащитных, слабых, доверчивых... Сгусток энергии вырвался из меня нечлено-

раздельным стоном. Два легионера попытались оторвать меня от трупа, но я разбросал их, не прилагая ни малейших усилий. Те бросились было наказать меня за такую грубость, но Жека остановил их.

– Не трогайте его!

Обернувшись на голос, я подошёл к нему вплотную и протолкнул по звуку сквозь ком в горле:

– З-р-я т-ы э-т-о п-р-и-д-у-м-а-л, Ж-е-н-я!

Вытер кровь со своей руки об его лицо и пошёл, как мне казалось, по тропинке в гору. На самом деле, я брёл по склону, усыпанному мелкими камнями, рискуя каждую секунду скатиться вниз, увлекая за собой лавину. Наконец, я споткнулся, упал и замер, боясь шелохнуться, даже дышать старался потише, надеясь, что в таком случайном положении я смогу успокоиться, удержаться от буйного помешательства.

Все время, пока я приходил в себя, Жека сидел невдалеке, готовый, в крайнем случае, вырубить меня, предохраняя от безумства. И лишь когда совсем стемнело, он подошёл ко мне.

– Извини, Серж. Я был неправ. Завтра же мы сменим обстановку.

Случилось это на третий день после моего появления на Северном Кавказе. Дальнейшие события развивались не менее стремительно.

3. Батяня Листков

Часа в четыре утром следующего дня Жека поднял меня с койки и увёл с перевала к вертолётной площадке. После небольшого перелета мы оказались на каком-то аэродроме. На самолете летели подольше (я успел выспаться). Выгрузили нас в лесу, но лес был другой, не похожий на тот, что на Кавказе. На «джипе» нас подвезли на объект, напомнивший мне правительственную дачу на Каменном острове в Питере. Усиленная охрана. Повышенная комфортабельность. Судя по тому, что на воротах стоял прапор в войсковой форме, попали мы в какую-то легальную контору, где, как успел по дороге объяснить Женька, мы должны будем поработать немножко по специальности, согласно распоряжения руководства Легиона. Под специальностью, по всей видимости, подразумевалась юридическая практика, что не совсем меня устраивало. Я бы предпочёл, чтобы меня продолжали использовать как бойца с опытом работы в армейской разведке и в «ментовке». Но, прислушавшись к более опытному в делах Легиона Жеки, я помалкивал. В ожидании встречи с должностным лицом, мы приняли душ и теперь развалились в креслах перед телевизором, удовлетворяя информационный голод, не забывая так же и о наполнении своих желудков всяческой снедью, в изобилии разложенной на журнальном столике.

Я думал, что меня уже ничем нельзя ни удивить, ни испугать, но когда откуда-то из глубины помещения появился тот, для разговора с которым, как мы предполагали, нас сюда доставили, я невольно вздрогнул и встал, вытянувшись по стойке «смирно». Жека бросил на меня удивленный взгляд, но, тем не менее, тоже привстал из кресла.

– Здравствуйте, ребята. Садитесь, пожалуйста. Вы, Сергей Викторович, похоже, меня узнали...

Еще бы, черт побери, я его не узнал! Хоть и прошло достаточно много лет, но настоящие боевые командиры остаются в памяти бойцов навсегда. А именно таким боевым командиром был майор Листков. Это о таких как он поют «Любе» – «Батяня комбат»... Как-то вместе с ним мне довелось трое суток без пищи и сна пробираться через тайгу... Но это другая история, и о ней я, быть может, расскажу как-либо потом. А сейчас вернемся к той неожиданной встрече.

– А я бы тебя не узнал, если бы не ознакомился перед встречей с личным делом...

– Не мудрено. Таких как я у вас было не мало.

– Не скажи. С тобой мы начинали формировать дивизион. И нам есть что вспомнить. Но, наверное, твоему товарищу это будет неинтересно. Да и время нас поджимает.

– Товарищу очень интересно, – подавшись вперед, тихо

произнес Жека, – каким образом у вас оказалось личное дело Сержа Казбича да, по всей видимости, и мое. Раз уж нас Легион сдал, то хотелось бы знать – с кем мы имеем дело.

– Не стоит так волноваться, Евгений Николаевич. Никто никому вас не сдавал. Я же всего лишь генерал-майор российской армии. И в сегодняшней встрече участвую на тех же основаниях, что и вы, то есть в качестве приглашенного специалиста. Просто я прибыл несколько раньше и поэтому успел ознакомиться с вашими делами у организатора нашей «тайной вечера».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.